

Как это возможно и как это будет, будет ли вообще? Здесь гадать и спекулировать не буду.

1. Барбрук Р. Интернет-революция. М., 2015.
2. Интернет и идеологические движения в России : коллектив. моногр. / сост. Г. Никипорец-Такигава, Э. Паин. М., 2016.
3. Кастельс М. Власть коммуникации : учеб. пособие. М., 2016.
4. Кин Дж. Демократия и декаданс медиа. М., 2015.
5. Кузнецова Ю. М., Чудова Н. В. Психология жителей Интернета. Изд. 3-е. М., 2015.
6. Манович Л. Визуализация медиа: техники изучения больших видеокolleкций // Логос. 2015. Т. 25, № 2(104).
7. Мартынов К. Век писателей: текст и письмо в новых медиа // Там же.
8. Мирошников Б. Н. Сетевой фактор. Интернет и общество. М., 2015.
9. Шлыкова О. В. Социокультурная среда Интернета: новые ценности и коммуникативные смыслы // Обсерватория культуры. 2015. № 4.

Рукопись поступила в редакцию 21 апреля 2016 г.

УДК 004.352.4 + 316.774:81'33

М. В. Загидуллина

ОЦИФРОВКА ТЕКСТОВ И ВЫЗОВЫ НАДПИСЬМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ В АСПЕКТЕ ЭКОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ МАССМЕДИЙНОЙ РЕАЛЬНОСТИ*

Статья посвящена универсальному протоколу оцифровки данных в контексте теории текста и в рамках эколингвистического подхода, рассматривающего язык как живую систему, а текст — как фрагмент этой системы. Автор приходит к выводу, что протоколирование данных представляет собой формально текст, не поддающийся расшифровке (а требующий декодирования техническим устройством), и тем самым создается основа для возникновения отчуждения индивида от текста. В то же время визуальный поворот в настоящее время ведет к разрыву знака текстового и иконического — при том, что язык протокола сохраняет свою универсальность. В таком случае создаются условия для перехода в новое состояние надграмотности (ненужности грамотности в привычном понимании — как овладения специальной техникой записывания мысли и слова). Надграмотность как новый социальный феномен нуждается в адекватном научном изучении с целью смягчения социальных последствий ее распространения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: оцифровка, net-мышление, протокол как язык, письменность, грамотность, постграмотность, надграмотность, текст, визуальный поворот, «зеленая» лингвистика.

Digital humanities (цифровые гуманитарные науки) в основном сосредоточены сегодня на новых возможностях, которые открывают перед исследователем «база

*Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02032).

данных» и различные инструменты автоматической обработки текстов, конструирования иллюстративного материала и т. п. Однако с точки зрения философского осмысления современности было бы значимым обратиться к такому феномену, как собственно digital technology (оцифровка) в аспекте ревизии вопросов текстuality вообще.

Задача настоящей статьи — введение понятия надписьюенности как значимого концепта, позволяющего характеризовать процессы, происходящие сегодня в информационно-коммуникативном поле. Понятие надписьюенности может быть рассмотрено как способ постижения массмедийной реальности в аспекте эколингвистического подхода; при этом основные споры вокруг терминов, функционирующих в рамках самого понятия «эколингвистика», рассматриваются в соответствии с точкой зрения Н. А. Курашкиной, представившей серьезный обзор различных подходов к эколингвистике в недавнем выпуске журнала «Экология языка и коммуникативная практика» [4].

Для логики настоящей статьи важна концепция языка как живой системы, действующей в условиях определенной среды. Ответы, которые формирует система, есть реакция на вызовы, обеспечивающая устойчивость языка. В аспекте этой концепции собственно понятия «деградация» и «ухудшение» могут восприниматься как очень условные. Эти понятия применимы при анализе экологических процессов, когда внимание исследователей сосредоточено на антропогенной нагрузке на живые, предметные системы. Язык выступает постоянной и неустранимой частью коммуникации людей, а следовательно, не может испытывать никаких аналогов «антропогенной нагрузки» — он изначально имеет «антропогенную» природу и сущность. Между тем основным вызовом языковой системе следует признать именно массовизацию платформ межперсонального общения (социальные медиа как общераспространенный способ связи, а также смс-общение с мобильных телефонов и другие платформы обмена быстрыми сообщениями), что и создает условия для реконфигурации языковых моделей — аналогично тому, как на подобное давление или условия отвечают живые системы.

Технологические аспекты при этом имеют вес: от того, какой инструмент обеспечивает коммуникацию, зависит и характер самой коммуникации. Традиционно в фокусе внимания лингвистов оказывались слово и текст. Однако языковая система не менее важный объект рассмотрения. Именно в этой связи и предпринимается ревизия самого понятия «текст»: текст оказывается лишь общей частью системы и «послушно» реконфигурируется (порой сущностно) под прессом действующих на него факторов [12, 51]. Лингвоэкологические (и эколингвистические) подходы к языку мы могли бы назвать «зелеными». В последнее время эпитет «зеленый» широко вошел в общественно-политический дискурс: появились «зеленая экономика», «зеленое образование», «зеленые технологии» [2].

С опорой на размышления Т. Бредехофта [10] можно вычлениить некоторые «узлы» рассмотрения текста как части системы, живущей по биозаконам.

Размещенный в сети (на экране) текст обычно рассматривается как новая форма виртуального существования слова (картинки, звуки), однако физическая основа оцифровки очевидна: буквы (и другие знаки) преобразуются в «цифру» или код, который в виде электрического сигнала представляет собой фрагмент

физической реальности. Эта физическая реальность, будучи переведена в текстовую форму (протокол), недоступна пониманию тех, кто вступает в коммуникацию с помощью потребления дешифрованных текстов. Между тем хранение информации в виде кодов является новым вызовом цивилизации: автоматизация кодирования и декодирования создает риск утраты доступа к информации в случае утраты ключа (дешифратора протокола).

Универсальность протокола (одинаковый набор символов для кодирования разных типов информации — видео-, аудио-, возможно, сенсорной, ольфакторной, густаторной и др.) одновременно может рассматриваться как знак всеобщего синтеза и преодоления аналитической грамотности, предполагающей осознанное отношение к знакам кода (буквам). В главе «Ке» романа В. О. Пелевина «Любовь к трем цукербринам» создан образ действия такого универсального протокола в будущем: любые ощущения по сути являются лишь сгенерированной компьютером проекцией («Шампанское сегодня — гипнопродукт, кисло-сладкая пузырящаяся щекотка в горле, длящаяся пару-тройку секунд и вновь оставляющая потребителя наедине со своим ужасом... Кеша горестно уронил голову, и тут же в горле у него сладко запузырилось. Оказывается, табло с ценами на шампанское еще не успело полностью погаснуть — и значит, по закону могло реагировать на шейный клик» [8, 78]). Суть «гипнопродукта» — простая ментальная реакция, образующая процесс и следствие вполне физического действия (например, одного глотка шампанского). В мире романа Пелевина оцифровано все, и абсолютно все, от идей революции до плотского греха, можно создать с помощью протокола — общего не только для всех органов чувств, но и для всех уровней бытия. Такая универсализация и открывает возможность «пересмотра ценностей», — метафорически мы можем говорить об утрате «биологического разнообразия» мира предметов, людей, ощущений. Ту же тему писатель продолжает и в недавно вышедшем романе «Смотритель», где герой страшно тяготится самой мыслью, что и сам он лишь «абстрактный протокол».

Протокол, лежащий в основе процесса коммуникации, выступает медиумом, построенным по тем же принципам, что и механизм передачи сигналов головного мозга биохимической системе организма, синтезирующей белки. В основе синтеза белков — информационный обмен, однако суть и язык этого обмена недоступны пониманию и сознанию обычного индивида. Синтез белков идет без участия воли и рациональности человека. Эта аналогия помогает видеть продуктивность эколингвистического подхода к языковой системе. Протоколирование информации при передаче ее в виде оцифрованного сигнала выведено за рамки знаниевого действия (навыка). В эпоху ранней компьютеризации предполагалось, что овладение языком программирования станет обязательным навыком любого образованного человека в ближайшем будущем (в школах изучали BASIC), однако уже два десятка лет спустя стало очевидно, что в массовом обществе знаний этот навык не нужен — протоколирование выведено в разряд автоматических процедур.

Как таковая, автоматизация несет в себе серьезные риски: устранение из цепочки причин и следствий человека ставит под сомнение его значимость. Изобретение алфавитов всегда рассматривалось как серьезное культурное действие, а сами философы, стоящие у истоков письменности и грамотности в разных

языках, нередко канонизировались (например, святые Кирилл и Мефодий). Однако переход к эпохе протокола знаменуется имперсональностью: имя «автора» неизвестно, оно растворено в коллективах «программистов-технарей». Протокол освобожден от «означивания» человеческим началом. Он становится неким процессом, теоретически кому-то понятным и известным, но по сути остающимся без контроля. Так создается угроза «ошибки протокола», — технический сбой при передаче (или кодировании/декодировании) информации может остаться невыявленным или незамеченным в силу цифровой надграмотности участников коммуникации. В художественной форме гротеска такой сбой представлен, например, в рассказе В. Пелевина «Святочный киберпанк, или Рождественская ночь-117.DIR» [7]. «Ошибка протокола» перекликается и с проблемой физического носителя закодированной информации (в рамках одного технического периода мы наблюдаем расцвет и увядание технологических платформ — от дискеты к диску, от диска к флэшке, от флэшки к облаку).

Надграмотность мы можем рассматривать как феномен, связанный с уникальным положением индивида в цифровой среде: пользуясь ее плодами, он абсолютно отчужден от самой механики ее функционирования. Чем ярче и быстрее развивается техника, совершенствуя компьютерные системы, тем меньше они требуют специальных знаний от пользователей. С этой точки зрения чрезвычайно интересна «культура большого пальца», например. Сенсорные дисплеи, управляемые прикосновением, возвращают пользователей к древним временам, когда разные формы ощупывания закреплялись в ритуальных и социальных практиках. Пальцы позволяют увеличить и приблизить текст или картинку, виртуальный мир послушен «указаниям», и уже даже не надо соображать, «где право, а где лево» (в обиход вошло устойчивое выражение «интуитивно понятный интерфейс»). Совершенствуются 3D-изображения, развиваются технологии дополненной реальности, а специальные знания для пользования устройствами, обеспечивающими эти новейшие технологии, не нужны. При этом общая тенденция — отчуждение пользователя информации от физического носителя информации, когда на смену книге, дискете, диску, флэшке, гаджету приходит распредмеченное понятие «дступа», и неважно, с какого именно устройства «открывается» нужный протокол. Это явление граничит с феноменом опредмечивания функций, реификации (по Б. Латуру, интеробъективности [5]), когда невещественность лишь иллюзия, но даже эта иллюзия вещественна.

В новом техническом мире, имитирующем мир реальности так качественно, что искусственные версии выглядят более впечатляющими, чем реальные прототипы, собственно навыки «обычной» грамотности становятся все менее востребованными. Значимо то, что само слово «грамотность» становится второй частью целого ряда неологизмов и словосочетаний — например, «экограмотность», «медиаграмотность», «компьютерная грамотность» и т. п. Но в аспекте жизни самого слова как знака феномена новые комбинации дезавуируют базовое понятие: собственно грамотность как владение письменной речью заслоняется своими бесчисленными модификациями. В этой связи надграмотность становится новой культурной реальностью и должна рассматриваться не как примитивизация (шаг назад в развитии), но усложнение культурной практики.

Основная причина расцвета надграмотности — переход к визуальной цивилизации. По М. Маклюэну, «галактика Гутенберга» завершает свой круг, открывая дорогу новым формам хранения, передачи и использования информации — электронным [6]. Эти электронные формы лишь продолжение сложного визуального поворота, начавшегося, по мнению М. Маклюэна, еще в Средние века, в момент изобретения книгопечатания, сделавшего текст зримым и обратившего людей к чтению и постижению книжной мудрости — взамен устной культуры и созерцания естественного мира в прошлом. Таким образом, не торжество визуальности, но торжество электронной (оцифрованной) визуальности возвращает человечество в доисторические (дописьменные) времена на новом уровне сознания и позволяет увидеть в письменности не высшее достижение цивилизации, но лишь одну из опций развития, возможный путь, который на поверку оказывается этапом в движении к новым формам коллективной памяти и организации культурного космоса.

Надграмотность, проявляющаяся во вполне конкретных и физически внятных процессах (например, скорочтение и чтение по диагонали, замена текстов картинкой и замена вчитывания считыванием [3], наконец, пользование протоколом поверх знания о том, как устроен оцифрованный текст, неспособность «читать» код HTML и т. п.), между тем ведет и к новым типам думания, рефлексии, в конце концов, мудрости и остроумия, прежде всего в связи с тем, что возвращается мир устной культуры. Устное получает неожиданную поддержку и новое оформление в виде невиданных раньше по своему размаху способах транскрипции (интересно, что Маклюэн, писавший свою книгу задолго до эры смс, говорит о символической и культурной значимости так называемого фонетического письма — *подобия*: «Только фонетический алфавит приводит к разрыву между глазом и ухом, между семантическим значением и визуальным кодом, и поэтому только фонетическое письмо создает условия для перехода человека из племенного мира в цивилизованный и дарит ему глаз вместо уха» [6, 40]).

Переход от голоса и звука к взгляду и тишине ярче всего характеризует период господства книжной культуры. Приводя десятки аргументов, Маклюэн стремится развеять миф о вершинности этой культурной практики человечества: книжность несет с собой тысячи негативных последствий, деформирует культуру, рушит целые системы культурных практик, а то, что дает взамен, весьма сомнительно с точки зрения «прогрессивности». Интересна апелляция исследователя к диалогу Платона «Федр», где, вместо восхищения возможностями письменной культуры, царь печально замечает, что письменность и грамотность принесут людям деградацию: «...ты нашел средство не для памяти, а для припоминания. Ты даешь ученикам мнимую, а не истинную мудрость. Они у тебя будут казаться многознающими, оставаясь в большинстве невеждами, людьми трудными для общения; они станут мнимомудрыми вместо мудрых» [Там же, 37–38]. Вообще для Маклюэна чрезвычайно важно подчеркнуть уход в книжный текст как в альтернативную вселенную. Мир вокруг был неинтересен «книжному» человеку.

«Философия протокола» позволяет предположить, что в основе высших культурных смыслов «оцифровки» как раз и лежит стремление преодолеть ограниченность письменной культуры и письменного знания в пользу активизации временно недоразвитых либо остановивших свое развитие в связи с повсеместным

торжеством письменной культуры сенсорных систем человека (человечества). С этой точки зрения особый интерес представляют собой гибридные формы текстов («креолизованные тексты» [9; 1, 118]), существование которых стало возможно именно благодаря оцифровке. Одновременное воздействие на несколько органов чувств создает симультаный эффект надграмотного восприятия и понимания текстов (и само понятие «текст» становится все более проблематичным). Мы можем наблюдать проникновение надграмотных форм и в научный дискурс: так, инструменты «статьи будущего» компании Elsevier предполагают не только включение «хайлайтов» (выделение ключевых идей статьи в виде короткого набора емких фраз, который можно охватить «одним взглядом», сходу, без внимательного чтения статьи), но и наличие так называемого «графического абстракта» — представления содержания статьи в виде рисунка (см. рекомендуемые образцы графических резюме на сайте компании; интересно, что среди примеров встречаются графические абстракты вообще без слов, основанные исключительно на изображениях и их комбинациях [11]). Такая атака на один из самых консервативных оплотов письменности — научный дискурс — представляется глубоко значимой и требующей особого осмысления.

Таким образом, надграмотность может рассматриваться как выход к иному типу грамотности и преодолению «грамотности» в узком смысле письменной культуры. Теперь и для того, чтобы ориентироваться в мире изображений, нужна грамотность особого рода — непохожая на грамотность книжную. В мире визуальных образов культурных кодов не меньше, чем в литературе, а возвращение в мир «протоколов» голоса и звука в разы осложняет усвоение этих кодов.

Еще более запутанной ситуация становится в силу неинституционализированности надграмотности, увеличивающегося разрыва между поколениями «галактики Гутенберга» (людьми книжной культуры) и Digital Natives (рожденными в цифровом мире). Новые формы культуры не воспринимаются прежними поколениями как легитимные, критикуются, рассматриваются как крайне нежелательные. Например, «запойное» чтение книг никогда не осуждалось (и не относилось к социально нежелательным действиям). При этом сам факт чтения поощрялся, независимо от того, какого рода литературу выбирает читатель. В то же время «запойное» увлечение компьютерными формами информации и долгое времяпрепровождение в Сети уже в конце 1990-х годов стало рассматриваться как опасная девиация (интернет-зависимость). В условиях такого неприятия культурные коды новых культурных форм складываются как «контркультура». Между тем, например, прохождение сложной компьютерной игры требует высокой концентрации, погружает игрока в особый художественный мир игры, ставит перед выбором и заставляет принимать решения, а финал игры может вести к катарсису «по Аристотелю». Прохождение игры занимает у человека около 3040 часов — столько нужно в среднем, чтобы прочитать двухтомный роман. Утверждение, что мир романа более ценен для формирования личности, чем мир компьютерной игры, голословно (в силу отсутствия объективных сопоставлений и исследований художественных миров компьютерных игр). И это только один пример. Мы можем видеть, как «контркультура» формирует в цифровом пространстве особые правила коммуникации, свои ценности и нормы.

В медиатизирующемся мире возникает ситуация сосуществования «параллельных культур». Ценностные ориентиры одной культуры неизвестны и не нужны другой. В каждый период времени культура не была гомогенна. Однако особенность современного периода — в тотальном наступлении «оцифровки» и «протокола» на «старые» формы культуры. Если даже такое значимое достижение человечества, как письменность и грамотность, начинает видоизменяться, вытесняться надграмотностью, то, как минимум, этот процесс должен быть изучен, от него нельзя отмахнуться как от чего-то несущественного. Фактически — пользуясь экометафорой — можно сказать, что поле превращается в луг, одна экосистема приходит на смену другой. Экологический подход позволяет увидеть в надграмотности естественное начало, поставить новые практики в один ряд с культурными практиками прошлого.

Преодоление письменности как линии-отрезка, состоящей из законченного числа символов, каждый из которых может быть дешифрован индивидуальным сознанием, на рациональном уровне, и выход к новым формам передачи информации (в том числе и надграмотности) требуют анализа того, является ли протокол новой формой отрезка и влияет ли сам факт перехода к универсальному протоколированию разнородных культурных текстов на конфигурацию культурного поля (и, как следствие, реконфигурацию культурных практик, например, трансформацию процессов чтения, изучения, потребления текстовой фактуры).

1. *Валгина Н. С.* Теория текста. М., 2003.

2. *Загидуллина М. В.* Обязательность или выбор? О границах «зеленой» концепции в знанковой парадигме университетских образовательных программ // Культура и экология — основы устойчивого развития России. От «зеленого» университета к зеленой экономике : сб. материалов Международ. форума (13–15 апр. 2016 г., Екатеринбург). Екатеринбург, 2016. С. 47–49.

3. *Загидуллина М. В.* Современное читателеведение и чтениеведение в западных Social Studies и проблемы изучения чтения в отечественной науке XXI века // Чтение. XXI век : коллектив. моногр. Челябинск, 2014. С. 49–62.

4. *Курашкина Н. А.* Эколингвистика или лингвоэкология? Терминологическая дилемма междисциплинарной научной области // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 2. С. 143–156.

5. *Латур Б.* Об интеробъективности / пер. А. Смирнова // Социол. обозрение. 2007. Т. 6, № 2. С. 79–96.

6. *Маклюэн М.* Галактика Гутенберга / пер. А. Ю. Юдина. Киев, 2003.

7. *Пелевин В. О.* Святочный киберпанк, или Рождественская Ночь-117.DIR // Пелевин В. О. Relics. Раннее и неизданное : сб. М., 2005. С. 217–236.

8. *Пелевин В. О.* Любовь к трем цукербринам : роман. М., 2014.

9. *Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990. С. 180–186.

10. *Bredenhof T. A.* The visible text: textual production and reproduction from “Beowulf” to “Maus”. Oxford, 2014.

11. Elsevier — authors [Electronic resource]. URL: <https://www.elsevier.com/authors/journal-authors/graphical-abstract> (accessed: 15.04.2016).

12. *Fill A.* Ecolinguistics: State of the Art 1998 // The ecolinguistics reader: language, ecology, environment / ed. A. Fill, P. Mühlhäuser. Wales, 2001. P. 45–53.

Рукопись поступила в редакцию 27 апреля 2016 г.